

ПО ИТОГАМ СТОЛЕТИЯ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА:

«ФЕВРАЛЬ» И «ОКТЯБРЬ» КАК СИМВОЛЫ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ «ЦВЕТНЫХ» И «НЕЦВЕТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

П.П. Марченя

Отгремели основные мероприятия, посвященные вековому юбилею так называемой «Великой российской революции», и можно с полной уверенностью констатировать: да, от революционных событий 1917 г. уже миновало более сотни лет, однако не сегодня подмечено, что живем мы в удивительной стране, где за несколько лет может измениться все, а за сто – ничего¹. И ныне Россия опять (или все еще?) стоит перед необходимостью принципиального исторического выбора, от которого зависит решение масштабнейших проблем, во многом сходных с ситуацией вековой давности. В контексте этого выбора отношение к таким символам отечественной истории как *Февраль* и *Октябрь*, поразному генерализующим важнейшие «альтернативные» потоки модернизационно-революционных устремлений элит и масс России, представляет не только теоретический интерес к ее прошлому, но и играет особую практическую роль для ее настоящего и будущего.

Несмотря на все попытки искусственного «исторического единения» сверху (по поводу которых объективные историки революции не скрывают скепсиса²), этот юбилей дает повод заметить, что угроза новой революции действительно актуальна, что давняя разорванность на «две России» не преодолена до сих пор – и сейчас продолжается идеологическое и психологическое противостояние «*России Февраля*» и «*России Октября*». Попытка отменить итоги сделанного век назад стратегического выбора «старой» России, легшего в основу главного конфликта отечественной истории прошлого столетия, прерывает «связь времен»: пока «новая» Россия не определится в реставрированном споре *Февраля* и *Октября*, продолжающем испытание «на разрыв» русской исторической идентичности, вся Россия так и остается в

еще не закончившемся для нее XX веке. И рискует снова оказаться плацдармом «великих потрясений»³.

Спустя столетие российские либералы все так же зовут «думающую публику» под знамя *Февраля*, скорбя о кончине «демократической альтернативы», похороненной «темными массами», которые либеральным обещаниям предпочли большевистский «кровавый» *Октябрь*. Для противников такого подхода *Февраль* остается воплощением политической недееспособности либерализма в России, а *Октябрь* служит вынужденной альтернативой пустой *февральской* болтовне оторвавшихся от народных корней партийных функционеров и примером спасительного выхода из катастрофического системного кризиса государства и общества, утративших органическое единство и преемственную «связь времен». Так или иначе, Февраль и Октябрь остаются не только вехами политического календаря и полюсами общественно-политической жизни России в ее «смутные времена» – они выступают маркерами цивилизационной идентичности и задают смысловые координаты, в сетке которых строится проективное россиеведение, вычерчиваются различные варианты траектории «Русского пути»⁴.

Для века прошлого осевые идеологические крайности Февраля и Октября можно привычно обозначить как *либерализм* и *большевизм*. Координатные аналоги «*февралистов*» и «*октябристов*» несложно разглядеть и в современной политической жизни, да и вряд ли есть основания сомневаться, что соответствующие альтернативы не учитываются политтехнологами власти или организаторами «народных» выступлений «оппозиции» и прочими «разноцветными» силами.

Однако отвлечемся по возможности от политики и зададимся тривиальным философско-историческим вопросом: так учит ли чему-нибудь история всероссийского бегства от Февраля к Октябрю 1917 г., или русские так и остаются «в замешательстве перед своим прошлым»⁵?

Из всего многообразия тем, всплывающих при попытке ответить на этот вопрос, особо выделяется проблема адекватности исторических альтернатив *либерализма* (*Февраля*) и *большевизма* (*Октября*) реальному контексту истории России, ее социокультурной «почве».

Разумеется, партийно-политический спектр Февраля–Октября гораздо богаче этих двух антиподов, но в хаосе Смуты–1917 остальные партийные «альтернативы» могут быть интерпретированы по отношению к идеально-типическому полярно-знаковому

противостоянию февральского либерализма и октябрьского большевизма как «недо-либералы» и «недо-большевики» (или, по формуле Ю.В. Ключникова, «Сплошное ни то ни се. Какие-то буридановы ослы в роли вершителей исторических судеб...»⁶).

Соответственно, в качестве наглядных «партийных аватаров» Февраля и Октября уместно рассматривать две противоположных по спектру институционально-политических силы, которые обе номинально позиционировали себя в духе времени – как «демократические». Это, ставшая в итоге всенародно ненавистной, «Конституционно-демократическая партия», которая, словно в насмешку над историческими реалиями и собственной политикой, до конца именовала себя не иначе как «Партия народной свободы». И это «Российская социал-демократическая партия (большевиков)», которая поставила финальную точку в недолгой истории химеричной «февральской демократии».

Причем первая партия – партия кадетов – первоначально действительно была *первой* партией Февраля в том смысле, что, выражаясь современным политическим языком, являлась авангардом «креативного класса», намного превосходя своих противников по уровню образованности, авторитетности и популярности своих членов. Но очень скоро она превратилась в «козла отпущения» для всех остальных политических элит и стала воплощением «образа врага» для масс. Более того – сыграв крайне деструктивную роль в судьбе и российского самодержавия, и российской «демократии» – эта партия поставила под большой вопрос саму возможность конструктивного бытования либерализма в отечественном политическом процессе.

Вторая же партия – партия большевиков – при февральском открытии общеимперского конкурса на замещение оказавшегося вдруг вакантным места Власти – фактически *отсутствовала*: ни по степени количественного участия в формировании нового режима, ни по качественному уровню влияния – как в «верхах», так и «низах» – она поначалу не могла составлять даже намека на конкуренцию. Но, будучи политическими аутсайдерами на старте, на финише большевики оставили за бортом российской государственности заведомых фаворитов.

Непредвзятый анализ Смуты–1917 показывает, что пытаться объяснять победу Октября над Февралем лишь готовностью первого к насилию, неразборчивостью в средствах и тем более поддержкой извне и использованием «цветных технологий» – не только нечестно, но и ненаучно. Причины кроются гораздо глубже, и их переосмысление исключительно актуально для рос-

сийской публичной сферы сегодня. Если стремительное свержение российской монархии в Феврале многих исследователей действительно наводит на размышления о роли Запада и проведение аналогий с современными искусственно инспирированными из-за рубежа революциями, то Октябрь и последовавшую затем победу большевиков в Гражданской войне объяснить на подобной «цветной» методологической основе не получится.

А к вопросу о «цвете»... Даже испытывавший лагерную ненависть к «Красному Октябрю» А.И. Солженицын так высказался о цвете Февраля: «Февральские деятели, без боя, поспешно сдав страну, почти все уцелели, хлынули в эмиграцию и все были значительного словесного развития – и это дало им возможность потом десятилетиями изображать свой распад как торжество свободного духа. Очень помогло им и то, что грязный цвет Февраля все же оказался светлей черного злодейства коммунистов. Однако если оценивать февральскую атмосферу саму по себе, а не в сравнении с октябрьской, то надо сказать... она была духовно омерзительна, она с первых часов ввела и озлобление нравов, и коллективную диктатуру над независимым мнением (стадо), идеи ее были плоски, а руководители ничтожны. Февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошел как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания»⁷.

Представители всех сил, столетие назад потерпевших фиаско в претензиях на роль выразителей «народной воли» и «народной власти» России, в качестве самооправдания любили приводить «аргументы» на уровне: «Вот если бы не невежество и темнота вышедшей из берегов народной стихии...» (читай: *«Вот если бы не русский народ...»*). Когда сейчас, спустя весь XX век, из века XXI-го им вторят их идейные наследники, это звучит еще более одиозно (по сути: *«Вот если бы не русская история...»*). По меткому определению В.В. Кожина, «перед нами, если вдуматься, совершенно нелепая претензия индивидов, которые в конечном счете убеждены, что если бы бытие великой страны совершалось в соответствии с их субъективными “идеями”, Россия предстала бы как нечто принципиально более “позитивное”, нежели в действительности»⁸.

Как уже было сказано, – и в этом, пожалуй, главный урок русских смут и революций, – наши политические элиты не должны забывать, что *Империя* как способ политического бытия российской цивилизации в мировой истории есть форма организации не столько пространства, сколько *массового сознания*, это

особая форма единения *власти* и *масс*. И *смутные времена* в *Имперской* истории наступают тогда, когда это единение нарушается, они являются периодами своеобразной «переоценки ценностей», связанной с необходимостью обновления базового комплекса идеологием и воссоединения живой психологической связи между обществом и властью. *Смута* суть процесс бегства масс «от власти к власти», от «чужой» – к «своей». *Власть* в России всегда остается метафизически сакральной: когда десакрализуется ее носитель, начинаются поиски нового носителя, достойного (в глазах народа, в массовом сознании) этой сакрализации, способного утвердить (вернуть/обновить) скрепляющие цивилизационное единство *императивы*, отвечающие социокультурным кодам Империи (те самые пресловутые «духовные скрепы»). Содержанием *Смуты* и являются процессы «перебора» элит массами на соответствие этим «кодам»: отторжения претендентов на власть, с ними не согласующихся («временщиков» и «самозванцев»), и поиска признаваемой «настоящей» *Власти*, вступающей с ними в резонанс.

В таком контексте, Февраль олицетворяет идеологическое банкротство государства и психологическое отчуждение масс от властной элиты, не способной выражать созвучные им императивы и утратившей в их сознании имперско-историческую легитимность. В политическом календаре России он является скорее символом *временной и чужой* власти (власти *временщиков* и *самозванцев*). А Октябрь знаменуется приходом к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам, изоморфной Имперской традиции. В исторической памяти народных масс он связан с возвращением *своей* *Власти*, которая сумела вернуть Императивы, обуздать *Смуту* и восстановить Империю.

Победить «Русскую смуту» было нельзя: ее можно было либо *предотвратить*, либо *возглавить*. И возглавив, преодолеть – то есть превратить в полноценную Имперскую революцию, способную предложить «новые» (обновленные «старые») идеологемы, адекватные массовому сознанию, и восстановить жизненно необходимое Империи идейное и психологическое единение народа и власти.

Первый шанс – предотвратить смуту – был упущен. И ставший могильщиком отечественной имперской государственности⁹ Февраль в российском политическом календаре закрепляет и символизирует этот упущенный исторический шанс. Реализация второго шанса – возглавления *Смуты* и преодоления *Смуты* Ре-

волюцией – неразрывно связана с Октябрем. И, несмотря на свои формально антиимперские политические установки, Октябрь сделал возможным продолжение Имперской истории. *«По плодам их судите их»* (Мф. 7, 16): либерализм в «демократической» России образца 1917-го разрешился восьмимесячным выкидышем, а большевизм – в долгосрочной перспективе – восстановил обновленную Империю.

И вся так называемая «Февральская демократия», на деле оказавшаяся пустой юридической фикцией и доктринальной химерой «беспризорной» российской интеллигенции, совершенно не готовой остаться без «царских сатрапов» и «императорского караула», один на один с собственным народом, в конце концов закономерно была сметена стихией народного гнева, политически оформленной большевиками. Риторическое половодье самозванных «демократов» оказалось жалким ручейком по сравнению с самоубийственно сдвинутой ими лавиной «реального народовластия» – в условиях отсутствия нормальной власти, внешней мировой бойни и внутреннего нормативно-ценностного коллапса погибавшей – но выжившей – Империи.

Цена вопроса была огромна, но, по сделанному в 1937 г. признанию Г.П. Федотова (которого сложно заподозрить в симпатиях к Октябрьской революции), «смотря на вещи объективно, двадцать лет спустя, видишь, что другого исхода не было; что при стихийности и страшной силе обвала русской государственности Февраль мог бы совладать с разрушением при одном условии: если бы он во всем поступал как Октябрь»¹⁰...

Очевидно, что история России не уместается в «прокрустовы» схемы поочередной смены режимов («авторитаризма – демократии», «реформ – контрреформ», «модернизаций – застоев»... и прочих календарно-политических циклов). «Циклично-сезонный» подход не позволяет понять, что «смена времен» в нашей истории происходит не по календарю, а по «принципу наступления на грабли». Как справедливо подметил современный политический философ К. Крылов, если «Израиль – это прежде всего “наш народ”. Америка – “наш бизнес”. Франция – “наша культура”. Англия – “наши обычаи”. Германия – “наши порядки”... **Россия – это “наша власть”**»¹¹. А важнейшим критерием успешности власти в России остается ее способность сохранять реальную связь со своим народом. И историческое будущее «нашей власти» определяется способностью поддерживать в настоящем живую связь с тем лучшим, что было в нашем

историческом прошлом. Или хотя бы способностью не наступать на уже известные «грабли».

Хочется верить, что политическая элита современной России способна усвоить «карательный месседж» истории: если власть не желает быть родной своему народу, то она рождает Смуту. И тогда «за Февралем идет Октябрь»¹². И это еще не самый худший из возможных сценариев: специалистам уже давно件нятно, что утрата собственных целей в современном информационно открытом мире всегда ведет к тому, что их замещают чужие цели¹³. Неоднократные обвалы отечественной государственности уже дали дорого оплаченные уроки: прозападный либерализм не может служить ценностной основой ответов самобытной российской цивилизации на глобальные вызовы современности. Либеральное «реформирование», «перестройки» и всевозможные «оптимизации» и «инновации» по заемным западным образцам и рецептам, вне учета отечественного исторического опыта, цивилизационной специфики и народного сознания, ведут не к выходу из системного кризиса, а к его углублению, разложению государственности и мобилизации массового негативизма как иммунной реакции социального целого на органически чуждые ему вторжения.

В условиях резкого обострения геополитического и информационного противостояния цивилизаций и цивилизационных блоков для современной России и ее власти жизненно необходимы опора на историческую память, контроль и учет состояния массового сознания и коллективного бессознательного, возвращение в резонанс идеологием и действий властных элит с базовыми ценностями и ожиданиями масс. Залог неуязвимости России от всевозможных «цветных» и «нецветных» революций – прежде всего в защите цивилизационного суверенитета, сохранении исторической идентичности, наличии реально консолидирующих государство и общество императивов и непрерывном поддержании живой идеологической и психологической связи власти с собственным народом¹⁴.

Библиография

¹ Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности // Философские исследования и современность: Вып. 6. М., 2017. С. 292–322.

² *Бабашкин В.В.* Свобода в хоре», или из двух зол... // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2017. № 4. С. 633–634. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-628-635>.

³ *Марченя П.П.* Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций. М., 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://users4496447.socionet.ru/files/ms_2017.pdf.

⁴ *Марченя П.П.* «Февраль» и «Октябрь» в российском календаре // Научный диалог. 2013. № 1 (13). С. 21–34 [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/f-o.pdf>.

⁵ *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 12.

⁶ *Ключников Ю.В.* Смена вех // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 228.

⁷ *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией. М., 2007. С. 93–94.

⁸ *Кожин В.В.* О русском национальном сознании. М., 2004. С. 73.

⁹ *Marchenya P.P.* Russian Multiparty System // Social Sciences. 2018. No 2.

¹⁰ *Федотов Г.П.* Февраль и Октябрь // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1991. С. 135.

¹¹ *Крылов К.* Как я уже сказал: DIXI–18. О патриотизме (7 ноября 1999 г.) // Традиция: Русская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://traditio.ru/dixi/18.htm>.

¹² *Смирнов А.* За Февралем идет Октябрь // Российская газета. 2007. № 4312. 10 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2007/03/10/smironov.html>.

¹³ *Почепцов Г.* Гражданское самбо: как противостоять «цветным» революциям. М., 2005.

¹⁴ *Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии.* М., 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/csr-mono.pdf>.